

„Сладость бытія“¹⁾.

(Противъ самоубійства).

Впечатлѣнія съ самоубійства, невольнымъ свидѣтелемъ котораго былъ лекторъ. Вопросъ о причинахъ и устраненіи самоубійствъ. Точка зрѣнія лектора.

1. Объективно-соціологическая точка зрѣнія.

Статистика и способы самоубійства; исторія самоубійствъ; теорія самоубійствъ (психопатологическій факторъ, космическій, наследственный, подражаніе, бракъ, возрастъ, сгущенность населенія, религія, образованіе, экономическій факторъ, политическій, профессиональный, соціологическій); терація самоубійствъ; взглядъ Дюркгейма.

2. Субъективно-психологическая точка зрѣнія.

Истиннкъ жизни (Физическій стимуль бытія). Легенда „Споръ изъ-за жизни“. Противопоставленность самоубійства. Иллюстрація изъ разказа Куриина: „Мясо“. Возвращеніе вкуса къ жизни. Иллюстрація: „Случай изъ жизни Макара“—разказъ М. Горькаго. *Tedium vitae*. Полнога бытія, какъ условіе постоянства вкуса къ жизни.

---

¹⁾ Лекція, прочитанная въ залѣ Сергіево-Посадскаго Общественнаго Собранія 2 Декабря 1912 года.

Въ виду того, что условія, въ которыхъ находился авторъ при составленіи и напечатаніи лекціи, исключали возможность подробной и точной цитации, авторъ считаетъ нужнымъ замѣтить лишь, что фактическія данныя были взяты имъ главнымъ образомъ изъ книги: Э. Дюркгеймъ, проф. соціологін. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Переводъ съ францускаго А. Н. Ильинскаго, подъ ред. Базарова; съ предисловіемъ и библиографическимъ указателемъ русской литературы о самоубійствѣ д-ра Г. И. Гордона. Изданіе Н. П. Карбасникова. СПб. 1912. XXXII+541 Ц. 3 р. 50 к.

Прологъ.

Мм. Гг!

Сколько разъ вамъ и мнѣ приходилось слышать и читать о всякаго рода самоубійствахъ! Берете ли въ руки газету, вы непременно наталкиваетесь на самоубійство; читаете какой-нибудь большой романъ, опять то же самое: смотрите въ театрѣ драму, видите самоубійцу. Словомъ. самоубійство сдѣлалось какою-то необходимою, хотя и печальною принадлежностью каждаго № газеты, каждаго дня номера времени. Но никогда и нигдѣ самоубійство не производитъ такого ошеломляющаго дѣйствія, какъ въ томъ случаѣ, если вы сами становитесь вольными или невольными свидѣтелями этого по-истинѣ грознаго явленія. Такъ бываетъ, когда наблюдаешь пожаръ издали и вблизи. Въ первомъ случаѣ скользишь только взоромъ по нему, на которомъ ночью вырисовывается оранжевое пятно зарева или днемъ выгибается столбъ чернаго дыма и самодовольно думаешь, какъ спокойно и уютно подъ застрахованною крышей. Но стоитъ лишь загорѣться „самому“ или кому-либо изъ сосѣдей, тутъ только ведемъ сердцемъ воспринимаешь горе ближняго.

Впрочемъ, сиѣну оговориться, бываютъ самоубійства и красивыя, какъ и пожаръ иногда принимаетъ видъ эффектнаго зрѣлища. Не даромъ вѣдь Неронъ любовался пылающимъ Римомъ! Безъ сомнѣнія, онъ не взялъ бы въ руки лиры и не вспомнилъ бы Трои, если бы Римъ, залитый румянцемъ огня, не казался ему въ то время великолѣпнымъ. Не менѣе красивымъ въ своемъ родѣ можетъ быть и самоубійство. Вспомните Гедду Габлеръ въ драмѣ Ибсена того же имени. Ей не жаль, что любимый человекъ лишилъ себя жизни. Ее огорчаетъ главнымъ образомъ то, что это самоубійство не такъ красиво, какъ бы ей хотѣлось, что Эйлертъ Левборгъ выстрѣлилъ не въ високъ или въ грудь, — то была бы красивая смерть, — а-фи, какая пошлость! въ животъ. Или другой примѣръ: красивымъ было для японцевъ недавнее самоубійство генерала Ногги, героя Портъ-Артура, торжественно совершившаго надъ собою хакакири, точно какое-нибудь священнодѣйствіе. по случаю смерти Микадо.

Не то бываетъ, когда вы близко подходите къ драмѣ, приближаетесь къ ея внутренней, „поднаготной“ сторонѣ, когда сами становитесь, если не дѣйствующими лицами, участниками ея, то зрителями, очевидцами. Наполеонъ не воспѣлъ, какъ Неронъ, пожара Москвы и не вспомнилъ объ Иліонѣ. И не потому, что лишенъ былъ поэтического дара; вѣдь и Неронъ не обладалъ имъ въ степени, равной Гомеру, а съ другой стороны и Наполеонъ очень любилъ и умѣлъ въ иныхъ случаяхъ красиво, даже стихами, выражаться. Нѣтъ, онъ не воспѣлъ пылающей Москвы и не вспомнилъ о Троѣ потому, что въ пожарѣ Москвы предвидѣлъ гибель своей арміи, предчувствовалъ, что въ полнмѣ русской столицы горить его слава.

Болѣе интенсивное чувство, чѣмъ отдаленнаго зрителя, пережилъ недавно и я, когда, волею Провидѣнія, мнѣ пришлось стать свидѣтелемъ самоубійства. Понятно, поэтому, что и телеграмма газеты, сообщавшая: „17-го Августа, вечеромъ близъ ст. „Малаховка“ Московско-Казанской жел. дороги кончила жизнь самоубійствомъ 16-лѣтняя дѣвушка, дочь губернскаго секретаря Губарева. Губарева бросилась подъ пассажирскій поѣздъ № 13, приближавшійся къ станціи. Причина самоубійства—романическая“—эта телеграмма не была для меня отдаленнымъ облакомъ или заревомъ пожара, потому что и мнѣ въ числѣ пассажировъ пришлось ѣхать въ поѣздѣ № 13, и я вмѣстѣ съ другими проѣхалъ по хрупкому, трепетавшему въ послѣднихъ судорогахъ, тѣлу 16-лѣтняго ребенка.

Случилось это такимъ образомъ. 17 Августа, поспѣвая въ Академію къ пріемнымъ экзаменамъ, я сѣлъ въ Рязани въ вагонъ поѣзда № 13 и преспокойно двигался къ Москвѣ, какъ вдругъ между станціями Быковымъ и Малаховкой нашъ поѣздъ, точно врѣзавшись во что-то, останавливается. Это было около 11 часовъ ночи.

Всѣмъ, много ѣздившимъ по желѣзнымъ дорогамъ и, потому, привыкшимъ къ относительной точности и безостановочности поѣздного движенія отъ станціи до станціи, вѣроятно, знакомо это жуткое настроеніе, вызываемое неожиданною остановкой поѣзда въ открытомъ полѣ, гдѣ не видно

не только станціи, но и простой будки, да еще чуть не въ самую полночь. Такъ и чудятся: нападеніе разбойниковъ, порча рельсовъ, взрывъ парового котла, близкое крушеніе и прочіе страхи, причѣмъ это настроеніе еще болѣе усиливается отъ жалобныхъ, точно молящихъ о помощи, свистковъ паровоза.

Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, посыпались вопросы: что это значитъ? отчего поѣздъ остановился? и, такъ какъ, по обыкловенію, никто ничего не знаетъ, идешь самъ на площадку, спрашиваешь бѣгущихъ мимо съ фонарями кондукторовъ, но тѣ или сами еще не успѣли узнать, или намѣренно скрываютъ. Тогда сходишь со ступенекъ площадки и идешь, куда идутъ другіе, и уже на мѣстѣ узнаешь истинную причину.

Въ настоящемъ случаѣ я узналъ слѣдующее.—Подъ поѣздъ бросилась молодая дѣвушка. Восемь вагоновъ успѣло прокатиться по ней, прежде чѣмъ поѣздъ остановился. Только изъ-подъ девятаго вагона извлекли ея, уже бездыханный, съ раздробленнымъ черепомъ, трущъ.

Тихая-тихая, августовская, немного прохладная, но еще совсѣмъ лѣтняя почъ. Озаренное луной, открытое поле, лишь близъ полотна дороги заслоненное живою изгородью невысокаго кустарника, въ тѣни котораго болѣе бышло играть въ прятки, а не скрываться съ тою цѣлью, чтобы незамѣтно ринуться подъ поѣздъ. Кругомъ неугомонный трескъ кузнечиковъ. Рамка, болѣе подходящая къ сценамъ свиданія, мечтательнымъ прогулкамъ, но никакъ не къ подобнымъ ужасамъ.

Когда я вернулся въ вагонъ, для меня не было сомнѣнія, что все совершилось обдуманно, хотя нѣкоторые изъ бывшихъ со мной въ одномъ вагонѣ пассажировъ и полагали, что поѣздъ случайно могъ зацѣпить гулявшую и не успѣвшую сойти съ рельсовъ дѣвушку.

Однако, мнѣ трудно было представить себѣ, чтобы въ такое глухое, почти полуночное, время молоденькая барышня одна, безъ провожатаго, въ подмосковномъ районѣ, гдѣ такъ много всякаго опаснаго люда, могла уйти на разстояніе, быть можетъ, не одной версты отъ станціи.

Еще труднѣе, даже нелѣпно, было предполагать, чтобы эта, въ одиночествѣ гулявшая, барышня не слыхала среди застывшей тишины ночи грохота приближавшагося поѣзда и не успѣшила сойти съ рельсовъ.

Конечно, послѣднимъ доказательствомъ намѣреннаго самоубійства было бы письмо, каковое, если бы только оно нашлось, должно быть представлено начальнику ближайшей станціи, чтобы можно было, кому слѣдуетъ, телеграфировать. Поэтому, когда поѣздъ подошелъ къ станціи, я съ большимъ нетерпѣніемъ сталъ наблюдать за всѣмъ, что совершалось на платформѣ. И предположенія мои въ точности оправдались. Едва лишь поѣздъ остановился, старшій кондукторъ подходитъ къ стоявшему на перронѣ и, очевидно, заждавшемуся начальнику станціи и вручаетъ ему два письма съ подробнымъ докладомъ о случившемся.

Ахъ!—признаюсь откровенно—какъ мнѣ въ то время хотѣлось быть „станціи начальникомъ“, чтобы узнать тайну юной, столь преждевременно и безцѣльно загубленной, жизни.

Раздавивъ молодое существо, чугунное чудовище, съ грохотомъ и свистомъ понеслось дальше, а я, прижавъ голову къ подушкѣ, строилъ всевозможныя предположенія о мотивахъ и послѣдствіяхъ драмы, невольнымъ свидѣтелемъ которой только что имѣлъ несчастье быть.

И спрашивалъ про себя: что побудило тебя, несчастная дѣвушка, подставить свою, еще почти дѣтскую, совѣмъ немного думавшую головку подъ смертоносный ударъ? и что вообще заставляетъ васъ, милыя дѣвушки и дорогіе юноши, такъ часто, такъ безтрепетно бросаться въ объятія смерти, ложиться подъ поѣзда, стрѣляться, пить отраву и т. д., когда Божій міръ такъ прекрасенъ, когда намъ,

улыбки шлютъ солнце, луна
и звѣзды смѣются намъ въ очи,
и сердце колдуетъ весна
въ свои ароматныя ночи?

Что касается до настоящаго случая, то здѣсь я представлялъ себѣ послѣдовательно въ качествѣ мотива: и общее разочарованіе въ жизни, и временную размолвку съ „ми-

лымъ“, и ссору съ родителями „изъ-за курсовъ“, и обдуранный принципъ какой-нибудь лиги.

Но всего вѣроятнѣе, какъ я думалъ, здѣсь случилась „обыкновенная исторія“: несчастная любовь. Моя догадка оказалась вѣрной. Изъ корреспонденціи я узналъ, что „причина самоубійства романтическая“.

Послѣ этого я старался нарисовать въ своемъ воображеніи дальнѣйшій ходъ событій.

Я представилъ себѣ то невѣдѣніе, въ которомъ еще находятся родители дѣвушки, если они живы, когда мы, посторонніе люди, уже знали о случившемся; ихъ тревогу по случаю того, что ихъ дочь такъ долго не возвращается, или наоборотъ, спокойную увѣренность, что все обстоитъ благополучно, что ихъ дочь, какъ всегда, вмѣстѣ съ подругами встрѣчаетъ на станціи поѣздъ.

Но вотъ со станціи депеша. Трясущимися руками отца распечатывается она и семья, за минуту спокойная, всего мгновеніе назадъ счастливая, теперь поражена, сокрушена, разбита. Какъ Рахиль, безутѣшно плачетъ мать о своемъ потерянномъ на-вѣки дѣтищѣ; а отецъ? онъ—мужчина: онъ идетъ подкапывающимися ногами на станцію, чтобы видѣть свою милую-милую дочурку, свою ненаглядную, теперь раздавленную, птичку.

Таковы впечатлѣнія, которыя испыталъ я отъ самоубійства, близкимъ и невольнымъ свидѣтелемъ котораго мнѣ пришлось быть.

И тогда, и послѣ я спрашивалъ себя: что за причина самоубійствъ, этого наиболѣе печальнаго явленія нашего времени, этой „одинадцатой казни“ нашего общества? и въ чемъ нужно искать исцѣленія отъ этого недуга?

Отвѣтомъ на эти вопросы и послужить дальнѣйшее чтеніе, причемъ я долженъ предупредить, что точка зрѣнія въ моемъ рѣшеніи поставленныхъ вопросовъ преимущественно субъективно-психологическая, а не объективно-соціологическая, хотя, ради полноты изложенія, я намѣренъ теперь же кратко коснуться и послѣдней.

I. Объективно-соціологическая точка зрѣнія.

Статистика самоубійствъ. Статистика, этотъ барометръ и вмѣстѣ термометръ общественной жизни, является для насъ интересной и поучительной въ томъ отношеніи, что позволяетъ намъ дѣлать полезныя обобщенія касательно общественныхъ массъ и устанавливать практическіе выводы, ставить диагнозы и прогнозы на основаніи этихъ обобщеній. Ту же самую цѣнность имѣетъ она и относительно самоубійствъ. Особенно полезна она при опредѣленіи объективныхъ факторовъ самоубійства, о чемъ подробнѣе будетъ рѣчь ниже, пока же достаточно указать, что всего больше, 25% самоубійствъ падаетъ на долю психопатологическаго фактора, на неприятности разнаго рода 23%, на несчастную любовь и смежныя факторы—14%, на бѣдность 13%, семейныя несчастія—11% и т. д. (Франція).

Обычно самоубійства носятъ единичный характеръ, но бываютъ и массовыя, коллективныя. Въ Китаѣ, напр. 500 философовъ конфуціанъ бросилось въ море, когда одинъ изъ императоровъ приказалъ сжечь книги ихъ учителя. Въ Кіевѣ за послѣднее время участились, по газетнымъ сообщеніямъ, случаи парнаго самоубійства. Не такъ давно большую сенсацію произвело самоубійство трехъ евреекъ, двухъ сестеръ Калменсонъ—курсистокъ и еще одной Луэ, наслѣдницы многихъ милліоновъ.

Способы лишенія себя жизни многообразны. Сюда принадлежатъ: самоповѣшеніе и самоутопленіе, считающіяся наиболѣе распространенными въ Европѣ способами самоистребленія. Другіе средства: огнестрѣльное и холодное оружіе, ядь, удушливыя газы, прыжокъ съ высоты, механическая сила машинъ (железнодорожныя поѣзда) и т. д. Обычно избирается тотъ способъ, который всего быстрѣе и вѣрнѣе ведетъ къ цѣли, менѣе причиняетъ боли и соотвѣтствуетъ индивидуальнымъ и сословнымъ вкусамъ. Химики, фармацевты, фотографы прибѣгаютъ къ быстро-дѣйствующимъ ядамъ: хлороформу, ціанистому калию и др. Военные преимущественно употребляютъ огнестрѣльное оружіе. Механики, кузнецы, сапожники, парикмахеры предпочитаютъ инстру-

менты своего цеха: бритву, ножъ и пр. Нищія и душевно-больные прыгаютъ съ верхнихъ этажей, колоколенъ, топятся, давятся и т. д.

Исторія самоубійствъ. Самоубійство не только объектъ статистики, но и исторіи: оно можетъ быть разсматриваемо не только статистически, но и динамически, такъ какъ число самоубійствъ никогда не бываетъ постояннымъ, но измѣняется, по большей части увеличиваясь (напр. за 30 лѣтъ во Франціи и Пруссіи вдвое, въ Саксоніи чуть не втрое) и лишь иногда уменьшаясь, въ зависимости отъ нѣкоторыхъ условій.

Самоубійства извѣстны намъ съ доисторическихъ временъ: ихъ можно встрѣчать у племенъ, еще не вступившихъ на порогъ культуры. Среди дикарей наблюдаются самоубійства больныхъ и стариковъ, съ цѣлью освободить семью и родъ отъ себя, какъ лишнихъ людей. Точно также практикуется самосожженіе вдовъ по смерти мужей и самозакланіе рабовъ на могилахъ своихъ повелителей.

Но вотъ занимается заря культуры, и самоубійства, этотъ тяжелый кошмаръ, не только не исчезаютъ, но, наоборотъ, усиливаются, причемъ это усиленіе неизмѣнно прогрессируетъ съ каждымъ новымъ культурнымъ эономъ *). Во Франціи, напр., на одинъ милліонъ жителей приходилось 54 самоубійства съ 1827 по 1830 г., а съ 1856 по 1860 г. уже 110. съ 1886 по 1890—216, въ 1892 году 242. То же явленіе имѣетъ мѣсто и въ другихъ странахъ Европы, не исключая Россіи, съ особой, впрочемъ для каждой страны прогрессіей. Такой ростъ самоубійствъ не можетъ быть объясненъ параллельнымъ приростомъ населенія уже по тому одному, что послѣд-

*) Въ Пироговской комиссіи по изученію самоубійствъ Д. Н. Жбанковъ оперируя съ тѣми же самыми данными, что и г. Черепановъ, пришелъ къ диаметрально противоположнымъ выводамъ. Г. Черепановъ утверждаетъ, что культурность страны понижаетъ процентъ самоубійствъ. Наоборотъ, г. Жбанковъ, поправляя своего предшественника, доказываетъ, что наиболѣе культурныя страны, особенно центры занимаютъ „первое мѣсто, а не культурныя—послѣднее по росту и числу самоубійствъ“. („Русское Слово“, 1913 г. № 37. „Въ комиссіи о самоубійствахъ“). Очевидно, выводъ г. Черепанова былъ результатомъ или недосмотра, или тенденціозности—своеобразнаго „апогеоза“ культуры.

нее увеличивается въ гораздо меньшей силѣ, чѣмъ самоубійства. Выступаютъ всевозможные мотивы отъ такихъ серьезныхъ, какъ общее разочарованіе въ жизни и до такихъ курьезныхъ, какъ желаніе стяжать себѣ извѣстность, попасть на столбцы печати, что случилось прошлый годъ съ нѣкоей легкомысленной барышней.

Различно было отношеніе къ самоубійству и со стороны общества. Говоря вообще самоубійство-одно изъ тѣхъ явленій, терроризирующихъ человѣчество, къ которому нельзя относиться сочувственно и поощрительно. Однако, въ Греціи, напр., самоубійство разрѣшалось, если человѣкъ лишалъ себя жизни съ дозволенія правительства; но карался зато произвольный самоубійца лишеніемъ погребенія и безславіемъ или атиміей. Въ Римѣ самоубійство даже похвалялось. а стойками, напр. Сенекой, возводилось въ добродѣтель, если совершалось не по низменнымъ, а благороднымъ мотивамъ. Такой же взглядъ на фактъ самопотребленія имѣли германцы и славяне въ началѣ среднихъ вѣковъ.

Различнымъ до противоположности было и остается отношеніе къ самоубійству, какъ и къ другимъ вопросамъ знанія и жизни, со стороны философовъ. Пифагорейцы ясно и опредѣленно высказывались противъ самоубійства. Человѣческая жизнь принадлежитъ Богу. Онъ также же не имѣетъ права лишать себя жизни, какъ рабъ убѣжать отъ своего господина. Аристотелики запрещали самоубійство по мотиву государственному. Человѣческая жизнь—общественная собственность. Поэтому, кто убиваетъ себя, вредитъ обществу, лишая его нужного работника. Кромѣ того, самъ Аристотель порицалъ самоубійство, какъ проявленіе трусости—того, что мы назвали бы: „спасоваль передъ жизнью“. Наоборотъ, Гегезіасъ, послѣдователь эвдемониста Аристиппа, рекомендовалъ самоубійство, если жизнь не доставляетъ намъ удовольствій. И ученіе это, дѣйствительно, многихъ привело къ гибели, почему было запрещено (Пр.-Пр. I. Л. Янышевъ. „Православно-христіанское ученіе о нравственности“).

Философы, отрицающіе свободу воли (детерминисты), признаютъ самоубійство неизбѣжнымъ слѣдствіемъ сложившихся условій и на этомъ основаніи оправдываютъ его, тогда какъ индетерминисты всецѣло видятъ причину самоубійствъ въ

свободной волѣ индивида и, потому, осуждаютъ. Столь же діаметрально противоположно воззрѣніе оптимистовъ и пессимистовъ.

Безусловно отрицаетъ самоубійство наша религія. Съ своимъ ученіемъ о человѣкѣ, какъ богообразномъ твореніи, какъ о сынѣ небеснаго Отца и членѣ Тѣла Христова, христіанство не могло примирить такого, вызываемаго по большей части „земными мудрованіями“, произвола, какимъ является самоубійство. Повысивъ общій уровень нравственнаго сознанія человѣчества, оно ео ipso привило ему и тотъ взглядъ на самоубійство, по которому послѣднее является актомъ въ высшей степени грѣховнымъ, сознательнымъ отреченіемъ не только отъ жизни, но и благодати. Поэтому, церковь вполнѣ послѣдовательно поступаетъ, лишая самоубійцу, по правилу св. Тимоѳея Александрійскаго (Проф. Ив. В. Поповъ. „Самоубійство“) христіанскаго погребенія.

Средневѣковыя законодательства Европы преувеличили отрицательный взглядъ христіанства на самоубійство въ томъ отношеніи, что излишними жестокостями, свойственными духу времени, но отнюдь не христіанской религіи, старалась обставить посмертную кару самоубійцы; напр. предавали трупъ *sepultura asina seu canina*, т. е. ослиному или собачьему погребенію, зарывая его вмѣстѣ съ падалью названныхъ животныхъ. Одно дѣло—лишать самоубійцу погребенія, что практикуетъ и наша церковь, другое—глумиться надъ трупомъ.

Средневѣковый духъ проникъ отчасти и въ русское законодательство. Такъ, по воинскому и морскому уставамъ Петра Великаго трупъ самоубійцы отдавался палачу, который долженъ былъ волочить его по улицамъ, закопать на какомъ-нибудь безчестномъ мѣстѣ и, что всего непослѣдовательнѣе, матросъ за неудавшуюся попытку лишить себя жизни, чему слѣдовало бы радоваться, наказывался смертью. По дѣйствующимъ законамъ, самоубійство, если оно совершено не въ состояніи умоизступленія, карается лишеніемъ погребенія безъ всякихъ ненужныхъ глумленій.

Теорія самоубійства. До нѣкотораго времени наука держалась главнымъ образомъ **психопатологической** теоріи по вопросу о самоубійствахъ, по которой „всѣ самоубійцы—ду-

шевно-больные люди“ (Esquirol). Самоубійство является, такимъ образомъ, мономаніей sui generis или какъ одинъ изъ специфическихъ признаковъ сумасшествія. Но, подъ давленіемъ новѣйшей психіатріи, благодаря клиническимъ и психологическимъ наблюденіямъ, эта теорія пала, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ констатируется наличность въ моментъ самоубійства яснаго сознанія и полного самоопредѣленія. Правда, случаи психопатическихъ самоубійствъ не рѣдки, составляютъ, какъ сказано, приблизительно 25% всего количества суйсидовъ, но возводить эту зависимость въ общій законъ значило бы противорѣчить другимъ, болѣе многочисленнымъ, фактамъ. Такъ между прочимъ, записки сумасшедшихъ и записки самоубійцъ принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ категоріямъ письменности: тамъ сумбуръ представленій, хаотичность изложенія и т. д.; здѣсь, наоборотъ, ясность мыслей, точность выраженій и пр. Затѣмъ, по этой теоріи всего больше самоубійцъ давали бы женщины и евреи, такъ-какъ между ними 0% душевно-больныхъ выше, чѣмъ среди мужчинъ и другихъ націй, но на дѣлѣ выходитъ какъ разъ наоборотъ.

Такъ же несостоятельна и климатическая (Морселли), какъ и всякая другая теорія, объясняющая самоубійства **космическимъ** факторомъ. Эти теоріи находятъ для себя оправданіе, повидимому, въ той законмѣрности, что ежегодно число самоубійствъ, начиная съ января, постепенно растетъ, достигая въ іюнѣ максимальной цифры, а во второе полугодіе столь же постепенно падаетъ, доходя въ декабрѣ до minimum'a ¹⁾. Кроме того, замѣчено, что дневныхъ самоубійствъ почти втрое больше, чѣмъ ночныхъ. Несмотря на кажущуюся правдоподобность, теорія, обуславливающая колебанія самоубійствъ сезонно-климатическою причиною, глубоко ошибается, считая факторъ второстепеннаго значенія за перво-степенный. Причина самоубійствъ на самомъ дѣлѣ безконечно глубже, указанная же выше совпаденія находятъ себѣ ближайшее объясненіе въ соціологическомъ факторѣ, о которомъ будетъ сказано ниже.

¹⁾ „Такимъ образомъ, Ноябрь свое названіе Hängemonat (мѣсяцъ висѣльниковъ получилъ неправильно“ (M. A. Schall. Wissenschaftliche Rundschau. 1911/12. Heft. 20. Die Ursachen des Selbstmordes).

Нельзя объяснять наклонность къ самоистребленію и расовыми особенностями, какъ и вообще **наслѣдственностью**. Одинъ и тѣ же славяне, напр., въ Чехіи лишаютъ себя жизни въ количествѣ 158 человекъ изъ 1 милліона, тогда какъ въ Далмаціи не болѣе 14, т. е. въ 11 разъ меньше. Или одна и та же скандинавская раса въ Норвегіи теряетъ 65, въ Швецаріи 125, въ Даніи 251 жертву съюда. Согласно этой теоріи, мужчины и женщины должны были бы лишать себя жизни въ равномъ числѣ, такъ какъ законъ наслѣдственности для того и другого пола одинаковъ. Между тѣмъ, этого равенства нѣтъ. Затѣмъ, возрастаніе числа самоубійствъ при повышеніи возраста не совпадаетъ съ тѣмъ, что представляетъ собой наслѣдственность.

Что касается **имитационной** теоріи, по которой самоистребленіе объясняется закономъ подражанія, то она справедлива относительно многихъ явленій самоубійства, особенно коллективнаго характера, подобныхъ, напр., самоожженію русскихъ раскольниковъ или самоубійству французскихъ инвалидовъ. (Одинъ инвалидъ повѣсился на воротахъ казармы. Въ теченіе двухъ недѣль на этихъ же воротахъ повѣсилось еще нѣсколько инвалидовъ. Ворота замуровали, и странная эпидемія прекратилась). Сюда же можно отнести недавнее самосверженіе съ колокольни Ивана Великаго въ Москвѣ двухъ учащихся: ученика коммерческаго училища и гимназистки—одной за другимъ. Однако, всеобщаго значенія эта теорія не имѣетъ, поскольку самъ по себѣ принципъ подражанія не безусловенъ и не всеобщъ для объясненія даже однородныхъ явленій.

Замѣтнымъ образомъ вліяетъ на самоубійства **сексуальный** факторъ. Повсюду число мужчинъ—самоубійцъ превышаетъ таковое же количество женщинъ: на каждую, лишающую себя жизни, женщину приходится, въ среднемъ, 4 мужчины. Другія постоянныя явленія здѣсь таковы: между безбрачными и вдовствующими самоубійцъ больше, чѣмъ среди живущихъ въ бракѣ, именно вдвое, втрое и даже вчетверо; среди бездѣтныхъ случаи самоистребленія чаще, нежели у много-семейныхъ.—на 865 бездѣтныхъ самоубійцъ приходится 415 семейныхъ, т. е. слишкомъ вдвое больше.

Благотворное вліяніе брака объясняется развитіем здороваго семейнаго инстинкта, представляющаго сильное противоядіе наклонности къ самоубійству. Чѣмъ многочисленнѣе и дружнѣе семья, тѣмъ выше стоитъ иммунитетъ, застрахованность членовъ ея отъ эпидеміи самоубійствъ.

Несомнѣнная зависимость, существующая между самоубійствомъ и бракомъ, весьма поучительна въ томъ смыслѣ, что далеко не оправдываетъ ходячаго мнѣнія, будто самоубійства главнымъ образомъ обусловливаются тяжестью жизни. Оказывается, наоборотъ, число самоубійствъ уменьшается, съ повышеніемъ тяжести существованія. „Вотъ неожиданно послѣдствіе мальтузіанизма, котораго авторъ его, конечно, не предполагалъ. Большія семьи вовсе не роскошь, безъ которой можно обойтись и которую можетъ себѣ позволить только богатый“ (Проф. М. М. Тарѣвъ. Библиографія. Самоубійство какъ соціальное явленіе. Богословскій Вѣстникъ 1912 г. Іюнь.) и не предметъ ироніи, а истинное „благословеніе Божіе“, равно какъ и бездѣтность совсѣмъ не радость, а великое несчастье, какъ справедливо полагали наши предки.

Понятно, что ни разводъ, ни раздѣльное жителство супруговъ не могутъ содѣйствовать процвѣтанію жизни. Они деморализуютъ бракъ, лишая его всякаго нравственнаго смысла. Возможность любить многихъ съ отсутствіемъ теплаго домашняго очага приближаетъ въ этомъ случаѣ супруговъ къ холостому состоянію и вызываетъ во многихъ случаяхъ, за неимѣніемъ твердой семейной опоры, роковой конецъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить страны, гдѣ часто и гдѣ рѣдко практикуются разводъ и раздѣльножителство. Въ первыхъ количество самоубійцъ въ четыре-пять разъ больше, чѣмъ во вторыхъ, причемъ на одного семейнаго приходится отъ 3 до 4 вдовцовъ и отъ 4 до 5 разводныхъ.

При обсужденіи причинъ самоубійства нѣкоторое значеніе имѣетъ и **возрастъ**. Среди дѣтей самоубійства всего рѣже. И понятно: имъ жить еще не надоѣло, какъ нѣкоторымъ изъ взрослыхъ, да и въ самой жизни участіе ихъ пассивно. Съ 16 лѣтъ тенденція къ самоубійству прогрессивно растетъ, ослабѣвая лишь подъ самый поздній вечеръ жизни. Однако, какъ бы ни были менѣе, сравнительно

съ другими возрастами, наклонны къ самоубійству дѣти и ветхіе старцы, среди нихъ происходятъ иногда тѣмъ болѣе потрясающіе случаи самоистребленія. Извѣстны, напр., факты самоубійства 5-лѣтнихъ малютокъ. Еще ужаснѣе данныя статистики въ отношеніи къ самоубійцамъ-старикамъ: въ Саксоніи въ 1847—1858 гг. на 295 молодыхъ самоубійць приходилось 1214 стариковъ и старухъ, покончившихъ съ собою въ возрастѣ отъ 70 до 80 лѣтъ, т. е. почти на самомъ порогѣ естественной смерти.

Сгущенность населенія играетъ извѣстную роль въ самоубійствахъ, выталкивая, такъ сказать, изъ общей тѣснящейся массы наиболѣе слабыхъ. Отсюда въ большихъ населенныхъ центрахъ, въ столицахъ самоубійства чаще, чѣмъ на всей окружающей ихъ территоріи. Это можно видѣть на примѣрахъ Парижа, Берлина, Вѣны, Петербурга, Москвы. Сравнительно меньше пропорція самоубійствъ въ Лондонѣ, благодаря особой силѣ вліянія религіи на англійское общество.

Религіозный факторъ, нужно замѣтить, имѣетъ огромное значеніе въ жизни. И это значеніе принадлежитъ ему не только въ субъективно-психологическомъ смыслѣ, о чемъ рѣчь будетъ послѣ, но и какъ соціальной силѣ. Это ясно, напр., изъ сопоставленія католичества и протестантства. Достаточно сравнить въ этомъ отношеніи Пруссію, Саксонію и Данію, — страны, населенныя протестантами, съ Италіей, Испаніей и Португаліей, католическими странами, чтобы видѣть, что первыя даютъ самоубійствъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ вторыя. Особенно рельефна эта разница въ Швейцаріи, гдѣ въ протестантскихъ кантонахъ въ 4—5 разъ болѣе самоубійствъ, чѣмъ въ рядомъ лежащихъ католическихъ штатахъ. Объясняется это явленіе тѣмъ, что католичество, существующее подъ верховенствомъ папы, являетъ собою тѣсно сплоченную семью, тогда какъ протестанство не имѣетъ ни іерархіи, ни общеобязательной догмы, словомъ, лишено того, что составляетъ главную силу церковности, какъ высшей религіозной формы общенія людей между собою. „Религіозное общество не можетъ существовать“, въ частности, „безъ религіознаго Credo и оно тѣмъ болѣе едино и тѣмъ болѣе сильно, чѣмъ болѣе распространено это credo. Наоборотъ, чѣмъ сильнѣе въ группѣ вѣрую-

щихъ проявляются частныя сужденія, тѣмъ менѣе... роль“ религіи „въ жизни людей, тѣмъ слабѣе ея сплоченность и жизненность“ (Проф. Тарѣевъ), что мы и наблюдаемъ въ протестантствѣ сравнительно съ католичествомъ. Православіе обладаетъ еще въ большей степени, чѣмъ католичество, жизненными потенціями (въ православныхъ странахъ самоубійствъ еще менѣе, чѣмъ въ католическихъ); слѣдовательно, тѣмъ скорѣе религіозное спасеніе отъ зла самоубійства обрѣтеть въ немъ всякій желающій.

Иногда обвиняютъ въ самоубійствахъ **образование**. Конечно, одностороннее образованіе, какъ и ложно понятая религія, можетъ повести къ самоистребленію, но само по себѣ образованіе здѣсь не при чемъ. Въ Саксоніи, странѣ съ наиболѣе высокимъ процентомъ самоубійствъ, правда, количество учащихся превышаетъ число дѣтей школьнаго возраста, но у германскихъ евреевъ, опередившихъ въ стремленіи къ образованію даже саксонцевъ, самоубійства—сравнительно рѣдкое явленіе. Значитъ, дѣло не въ образованіи, а скорѣе въ характерѣ воспитанія.

Экономическіе кризисы, подобныя краху банковъ, и неожиданныя успѣхи, какъ полученіе Германіей съ Франціи 5-миллиардной контрибуціи, сопровождаются повышеніемъ уровня сунсидовъ. Общую причину здѣсь является рѣзкое колебаніе экономического равновѣсія.

Что касается **политическихъ событій и переворотовъ**, то ихъ вліяніе на самоубійства можетъ быть различнымъ. Время упадка древней Греціи, насквозь прогнившій императорскій Римъ, канунъ французской революціи отмѣчены повышеніемъ общаго количества самоубійствъ. Наоборотъ, эпохи подъема національнаго сознанія, народныхъ воиновъ, подобныя Франко-Прусской воиновъ, или происходящей въ настоящее время балканской борьбѣ народовъ, дѣйствуютъ въ смыслѣ самомъ благопріятномъ, останавливая ростъ самоубійствъ.

Нѣкоторая доля самоубійствъ стоитъ въ зависимости и отъ **профессіональнаго** фактора. Такъ, военное сословіе оказывается всего болѣе склоннымъ къ самоубійству, какъ и къ дуэлямъ. Въ Австріи, напр., 1876—90 гг. число самоубійцъ въ офицерскомъ составѣ оказалось въ 10 разъ большимъ, чѣмъ въ остальныхъ сословіяхъ.

Всѣ указанная зависимости, однако, условны, случайны, относительны, по теоріи **соціологической**. Главная причина самоубійствъ, по убѣжденію соціологовъ, лежитъ въ томъ, что „общественный организмъ въ настоящее время переживаетъ періодъ хроническаго заболѣванія и что причину этого заболѣванія слѣдуетъ искать въ ненормальномъ состояніи современной цивилизаціи. Подъ вліяніемъ небывалаго развитія торговли и промышленности, при постоянно усложняющейся дифференціаціи общественныхъ отношеній, въ быстро-вращающемся круговоротѣ противоположныхъ интересовъ и стремленій, требующихъ крайняго напряженія умственныхъ и физическихъ силъ, вѣковая борьба за существованіе обострилась до крайнихъ предѣловъ и стала для многихъ непосильною. Въ этой неравной борьбѣ слабохарактерные и малоэнергичные заранее обречены на вѣрную гибель и они либо гибнутъ медленно отъ нищеты, отъ физическихъ и душевныхъ болѣзней, либо находятъ быстрый исходъ въ самоубійствѣ. Этою безпощадностью нашего соціального строя объясняются почти всѣ разнородныя явленія, отмѣченныя статистикою. Женщины, въ особенности дѣти, принимаютъ менѣе участія въ борьбѣ за существованіе, нежели мужчины и взрослые—и, слѣдовательно, должны давать и даютъ меньшій процентъ самоубійствъ. Лѣтомъ и днемъ совершается наибольшее число самоубійствъ именно потому, что пульсъ коллективной жизни въ это время бьется сильнѣе и продолжительнѣе. По той же причинѣ самоубійствъ насчитывается болѣе въ культурныхъ, чѣмъ въ мало-культурныхъ, странахъ, въ большихъ городахъ, чѣмъ въ деревнѣ, во время внезапнаго упадка или подъема народнаго благосостоянія, чѣмъ при ровномъ теченіи экономической жизни“.

(Губскій).

Терапія самоубійствъ. Сколько различныхъ теорій, столько же и терапевтикъ: средства къ уврачеванію зла указываются самыя противоположныя. Въ то время, какъ одни рекомендуютъ для этого репрессивныя мѣры, въ родѣ упоминавшейся *sepultura asina seu canina*, другіе выдвигаютъ на первый планъ—педагогическія: воспитаніе нравственной энергіи и самодѣтельности.

Особое мѣсто въ наукѣ по данному вопросу принадлежит Дюркгейму. „Новѣйшая цивилизація потому столь благоприятствуетъ наклонности къ самоубійству, что она разрушила всѣ прежнія общественныя организаціи, не давъ взамѣнъ ихъ какого-либо иного эквивалента. (Чтобы почувствовать всю правду мысли Дюркгейма, нужно принять во вниманіе, что авторъ—французъ, а во Франціи губительное дѣйствіе современной цивилизаціи особенно замѣтно.) Образовавшаяся на строго—іерархическомъ началѣ религіозная община, крѣпко сплоченная семья и не менѣе крѣпко сплоченныя ремесленныя и торговыя корпораціи служили въ прежнее время носителями той всемогущей власти, которая, умиряя и регулируя борьбу за существованіе, сдерживала и обуздывала чрезмѣрное развитіе индивидуальныхъ страстей и стремленій. Протестантство уничтожило непоколебимость религіознаго догмата и власть церковной іерархіи, а великая революція стерла съ лица земли всѣ остальные регулиющія общественную жизнь организаціи, замѣнивъ ихъ отвлеченною идеею общегосударственныхъ интересовъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этой соціальной ломки явилось неограниченное господство индивидуализма, безъ поддерживающаго и сдерживающаго воздѣйствія высшей коллективной воли. Оно доводитъ человѣка до крайняго проявленія эгоизма—самоубійства изъ-за себя и для себя. Заканчивающееся въ настоящее время распаденіе (дизинтеграція) прежней соціальной организаціи и обусловленное имъ нравственное оскудѣніе современнаго общества можетъ быть, по мнѣнію Дюркгейма, устранено только кореннымъ преобразованіемъ всего соціальнаго строя“.

Таковъ взглядъ на самоубійство объективно-соціологической науки.

2. Субъективно-психологическая точка зрѣнія.

Субъективно-психологическая точка зрѣнія служитъ необходимымъ дополненіемъ къ объективно-соціологической, второю страницей одного и того же листа. Если бы человѣкъ былъ только машиной или общественнымъ животнымъ, то

объективно-соціологической точки зрѣнія было бы вполне достаточно. Но такъ какъ мы всё хотимъ быть свободными и стремимся къ личному счастью, то мы болѣе, чѣмъ автоматы, выше, чѣмъ „головы“ человѣческаго стада. Каждый изъ насъ—правственно—свободная личность, самоцѣльная величина. Отсюда ни одно изъ внѣ насъ существующихъ условій не можетъ вліять на насъ съ непреодолимою силою, потому что центръ тяжести индивидуальной жизни—не въ окружающей насъ обстановкѣ, но внутри нашей духовной сущности, въ нашемъ разумно—свободномъ „Я“. Каждый поступокъ человѣка опредѣляется, поэтому, не столько „стеченіемъ“ внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько совокупностью внутреннихъ условій, такъ какъ въ концѣ - концовъ самое направленіе нашей жизни: „плыть по теченію“ или противиться ему, зависитъ отъ собственнаго пожеланія.

Если мы съ этой внутренней точки зрѣнія посмотримъ на то, что заставляетъ человѣка любить жизнь или, наоборотъ, противиться ей, то найдемъ: **инстинктъ жизни, законъ самосохраненія, физическій стимуль бытія**, вотъ — первое. что побуждаетъ непосредственно цѣнить жизнь, чувствовать „сладость бытія“ независимо отъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ индивидуальнаго существованія. Поэтому, въ комъ развитъ этотъ инстинктъ до надлежащей высоты, тотъ не будетъ особенно много задумываться надъ вопросомъ, стоитъ ли жить, поскольку уже самый процессъ жизни удовлетворяетъ его инстинкту, побуждаетъ оцѣнивать жизнь, какъ благо, а на смерть, какъ лишеніе, отнятіе этого блага, смотрѣть, какъ на величайшее зло, олицетворять его въ видѣ чудовища. Наоборотъ, въ комъ этотъ инстинктъ слабо развитъ, или не чувствуется совсѣмъ, тотъ, не смотря на всё увѣренія свои и другихъ, что самоубійство есть зло, будетъ неудержимо стремиться, по крайней мѣрѣ, внутренно къ уничтоженію „неправснаго“ ему бытія.

Иллюстраціей перваго положенія можетъ служить

Легенда: „Споръ изъ-за жизни“.

Одиннадцати-лѣтній мальчикъ, умный и хорошенькій, краса школы, „сокровище семьи“! Ему пришлось заболѣть и остаться дома, вмѣсто того, чтобы пойти въ школу. Предразсвѣтный сумракъ съ тусклымъ свѣтомъ ночника наполнялъ комнату, гдѣ стояла кровать больного.

Вдругъ что-то непельно-сѣрое обозначались у порога, Вглядѣвшись, онъ различилъ оголенный черепъ съ провалившимся носомъ и оскаленнымъ одиночнымъ зубомъ. Изъ-за спины сверкала отточеннымъ лезвиемъ коса. Тяжелый трупный запахъ распространился по комнатѣ. На лицѣ призрака ничего нельзя было прочесть, кромѣ ужаса.

— Попадай!—завопилъ, что было мочи, малютка и въ судорогахъ заметался по койкѣ, какъ рыбка, выброшенная на берегъ сътью рыболова.

Онъ уже зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло...

— Успокойся,—прошамкало привидѣніе. Мнѣ некуда торопиться. Только за эту отерочку ты долженъ заплатить мнѣ самимъ дорогимъ, что есть у тебя.

Прошло еще одиннадцать лѣтъ. Мальчикъ выросъ въ юношу—студента, превратился въ очаровательнаго красавца.

Судьба баловала его. Привлекательная наружность, крѣпкое здоровье, богатая обстановка и блестящая перспектива дѣлали его счастливымъ. Одно лишь вносило диссонансъ въ его жизнь,—потеря невинности, за возвратъ которой онъ готовъ былъ бы пожертвовать всѣмъ остальнымъ.

Однажды онъ сидѣлъ на морскомъ берегу съ одной—изъ многихъ прежде—возлюбленной. Волны съ шумомъ взбѣгали на берегъ и, разбившись о камни, спѣшили назадъ. На горизонтѣ обрисовывался силуэтъ корабля.

Счастливая пара ничего не видѣла и не слышала. Слова ласки заглушала прибой, а взоры, устремленные съ нѣжностью другъ на друга, не замѣчали плывшаго корабля.

Вдругъ надъ морской бездной, возлѣ самаго берега, вынырнула знакомая голова.

— Срокъ истекъ,—ясно различилъ онъ въ глухомъ рокотѣ волнъ. Я пришла за тобой.

Оставивъ на время свою возлюбленную, онъ подошелъ къ самому берегу и сказалъ:

— Не губи меня! Дай мнѣ пожить еще, хоть немного. Жизнь подарила меня счастьемъ первой чистой любви и ты хочешь сразу отнять его у меня. Сжался надо мной: все равно я—въ твоихъ рукахъ!

— Я согласна,—молвила усмѣхнувшись беззубая челюсть. Только не раскайся. Я дамъ тебѣ еще одиннадцать лѣтъ, по истеченіи которыхъ опять приду за тобой. Кромѣ того, за отсрочку ты заплатишь мнѣ прежней цѣной.

И съ этими словами голова исчезла подъ закружившейся омутомъ волной.

— Съ кѣмъ это ты, милый, разговаривалъ?—тревожно спросила его дѣвушка, не видѣвшая ничего, кромѣ безобразной головы дельфина.

— Это я повѣдалъ морю, какъ горячо люблю тебя—былъ его отвѣтъ.

Не сказала ему правды въ тотъ разъ и она: какъ простудилась, сидя на берегу со своимъ возлюбленнымъ.

Еще минуло одиннадцать лѣтъ. За эти годы онъ успѣлъ потерять ту, которую любилъ больше всего на свѣтѣ.

Сначала онъ много горевалъ и даже пожалѣлъ было, что не согласился умереть тогда, у ея ногъ. Но потомъ, постепенно забывая о потерѣ и срокѣ, онъ весь ушелъ въ коммерческое дѣло—наживалъ капиталъ, наращивалъ проценты, открывалъ магазины, основывалъ конторы, скупалъ имѣнія, строилъ заводы.

И вотъ, когда, такимъ образомъ, онъ поднялся—было на самую вершину золотой горы къ нему въ контору приходилъ одинъ разъ покупательница, лицо которой было закутано бѣлой вуалью.

— Что вамъ угодно, сударыня?—спросилъ онъ ее, по обыкновенію.

— Тебя мнѣ угодно,—сказала она вдругъ, откинувъ вуаль и показавъ ему почернѣвшій, какъ уголь, единственный зубъ.

Онъ узналъ ее и затрепеталъ.

— Подожди!—умоляюще воскликнулъ онъ. Мнѣ только тридцать три года. Позволь мнѣ пожить еще нѣсколько.

— Я уже не одну отсрочку давала тебѣ, ненасытный,—возразила она.

Замѣчая съ ея стороны неуступчивость на этотъ разъ, онъ самъ поспѣшилъ предложить ей:

— Возьми у меня самое дорогое, что найдешь (онъ подразумѣвалъ: „въ магазинѣ“), только отсрочь еще на столько же исполненіе своего приговора.

Скрививъ костяную гримасу и взявъ для виду кусокъ черной парчи, странная покупательница вышла.

Промчались еще быстрее, чѣмъ прежде, и эти вымоленные одиннадцать лѣтъ. За это время онъ успѣлъ разориться до того, что остался, послѣ многихъ миллионѣвъ, заводѣвъ, конторѣ, магазинѣвъ, съ одними долгами. Чтобы избѣжать тюрьмы, грозившей ему за несостоятельность, онъ рѣшилъ бѣжать въ Америку и тамъ, въ странѣ капитала, начать новую жизнь. Онъ направился къ пристани, позднимъ вечеромъ, чтобы не быть замѣченнымъ.

По дорогѣ къ нему подошла нищенка.

— У меня ничего нѣтъ,—хотѣлъ—было онъ сказать ей, но, пристально всмотрѣвшись въ ея лицо, узналъ свою преслѣдовательницу.

— Я не за копейкой,—молвила она: а за тобой.

— Повремени, еще чуточку,—въ ужасѣ произнесъ онъ. Вотъ я съѣзжу въ Америку, тогда и бери меня.

— Въ такомъ случаѣ ты заплатишь мнѣ тою же монетой и, съ досадой отвернувшись отъ него, подошла къ другому прохожему.

Въ качествѣ прислуги онъ былъ принятъ на пароходъ Сѣверо-Американскаго Ллойда и понесся по волнамъ Атлантическаго океана въ страну золота.

Дорогой онъ простудился и, едва успѣвъ прибыть въ Нью-Йоркъ, какъ слегъ въ госпиталь.

Потерявъ навсегда здоровье, онъ уже не могъ болѣе трудиться, зато съ большей интенсивностью работала его мысль. И ему, за отсутствіемъ другого дѣла, ничего не оставалось, какъ только переживать свои мысли. А подумать ему было надъ чѣмъ. Вся жизнь его сложилась какъ-то странно, представляя какую-то сплошную сдѣлку съ таинственнымъ существомъ, отбравшимъ у него одну радость за другою. Такъ, неудачникъ нашъ, поѣхавъ въ Америку за работой, превратился тамъ въ „философа“. Жадные до всякихъ оригинальныхъ повинокъ, какъ и до денегъ, янки принялись-было уже спекулировать „извѣстностью большого мыслителя“.

Прошло одиннадцать лѣтъ. Одинъ разъ ночью къ нему подошло это „таинственное существо“, которое онъ принялъ сначала за сидѣлку.

— Ты готовъ?—спросила она, проводя по горячему лбу больного холодными, какъ ледяныя сосульки, пальцами.

По тону голоса и ощущенію невыразимаго страха онъ узналъ, кто передъ нимъ.

— Нѣтъ, не готовъ,—отвѣтилъ онъ. Ты должна теперь особенно пощадить меня за то, что я сталъ умнѣе, понялъ жизнь и своей философіей могу быть полезенъ людямъ.

Ему было въ это время 55 лѣтъ, а онъ цѣплялся за жизнь, какъ одиннадцать—лѣтній ребенокъ.

— Безумный,—сказала она на этотъ разъ со вздохомъ: мнѣ жаль тебя! Съ чѣмъ же ты останешься, если я еще разъ возьму у тебя самое дорогое?

— Бери, только оставь мнѣ жизнь.

И она ушла, оставивъ его въ горячечномъ бреду.

Прошло еще одиннадцатилѣтіе. Ему исполнилось 66 лѣтъ. За это время изъ госпиталя онъ былъ переведенъ въ психиатрическую лечебницу, такъ какъ векоръ послѣ того визита началъ обнаруживать признаки умственного расстройства.

Ему все казалось, что онъ умираетъ. Комната, въ которой онъ находился, представлялась ему мертвецкой. Сестра милосердія напоминала ему почему-то неоднократно видѣнный призракъ. Въ стѣнныхъ часахъ онъ чувствовалъ живое су-

щество, воплощеніе приближавшаго его къ смерти времени и онъ грозилъ „убить“ ихъ, „уничтожить время“. На исполненіи этой безумпой затѣи его сознание окончательно померкло и смерть могла, наконецъ, осуществить надъ нимъ свой давній приговоръ.

Смысль этой фавулы до прозрачности ясенъ. Человѣку, страстно хочется жить, и въ самую минуту смерти онъ думаетъ о вѣчности. Жизнь онъ цѣнитъ, какъ благо, само по себѣ, не взирая ни на какія потери, безотносительно ко всѣмъ другимъ радостямъ. Въ самомъ процессѣ жизни, движенія, труда, онъ чувствуетъ „сладость бытія“. Подобно Ахиллесу, онъ предпочитаетъ быть поединщикомъ на землѣ, чѣмъ скитаться за гробомъ въ царствѣ тѣней.

Самоубійство, съ этой точки зрѣнія, какъ бы оно, подобно характери Ночи или въ древности Петронія, ни было красиво, какою бы идеологіей ни оправдывалась и какимъ бы социологически-неизбѣжнымъ ни казалось, всегда является собой нѣчто противоестественное и потому болѣе ужасное, чѣмъ обыкновенная человѣческая смерть. Не говоря уже о томъ, какъ преждевременное и произвольное лишеніе себя жизни, прекрасной человѣческой жизни, съ ея творческой мыслью и способностью къ безконечному совершенствованію, антирелигіозно и противонравственно, оно, какъ утрата „инстинкта жизни“, подобно потерѣ стыда или совѣсти, въ здоровомъ, не отравленномъ какимъ-либо физическимъ или нравственнымъ ядомъ, человѣкъ вызываетъ непроизвольное отвращеніе.

Художественное выраженіе этой мысли мы найдемъ въ рассказѣ Куприна „Мясо“.

Студентъ-медикъ Борисъ Полубояриновъ, великій жизнелюбецъ, принадлежавшій къ изысканному аристократическому кругу, долженъ былъ, несмотря на свое отвращеніе къ трупамъ зайти въ анатомическій театръ. Голыя мертвыя тѣла, тяжелый трупный запахъ и все прочее, что ежедневно въ этомъ театрѣ встрѣчаетъ студентъ, произвели на Полубояринова гадкое впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ товарищами онъ долженъ былъ идти въ трупарню за своимъ №-мъ—трупомъ. И вотъ, когда сторожа проносили мимо него этотъ трупъ, свѣсив-

няая съ носилокъ холодная рука задѣла его по лицу. Борисъ не выдержалъ и упалъ безъ чувствъ.

Весь день его преслѣдовало ощущеніе мертваго тѣла и мучительный вопросъ, какой смыслъ можетъ имѣть жизнь, когда весь ея итогъ—безобразный трупъ. Вечеромъ онъ отправился къ одной дамѣ и здѣсь, въ объятіяхъ женщины, онъ опять почувствовалъ тотъ же удушливый запахъ человѣческаго мяса. Выскочивъ изъ объятій, онъ отправился домой и ходя взадъ и впередъ по кабинету, предавался неотразимо преслѣдовавшимъ его мыслямъ.

Увидя висѣвшій на стѣнѣ револьверъ, „Борисъ взялъ его, взвелъ курокъ и посмотрѣлъ на барабанъ. Всѣ шесть гнѣздъ были заряжены. Борисъ сѣлъ передъ зеркаломъ и, взявъ дуло въ ротъ, положилъ палецъ на собачку.

„Вѣдь какая глупость—жизнь—мелькнуло у него въ головѣ, точно какой-то отрывокъ изъ стараго романа:—маленькій свинцовый шарикъ въ одну секунду погаситъ ее, и царь природы, со всѣми радостями и огорченіями, станетъ кускомъ земли. Стоитъ только надавить на собачку и...“

„Борисъ слегка нажалъ палецъ. Собачка упруго подалась.

„Борисъ поглядѣлъ на себя въ зеркало и увидѣлъ блѣдное лицо, съ испуганно блестящими глазами. Сердце его такъ и колотилось въ груди.

„Ну, теперь еще... чуть-чуть...“

„Собачка еще подалась, но съ большой упругостью.

„Теперь одно только ничтожное усиліе, и конецъ!—подумалъ съ ужасомъ Борисъ.—Ну!..“

„Вдругъ имъ овладѣлъ такой ужасъ смерти, что, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, онъ швырнулъ револьверъ на кровать.

„Жить! Жить! Жить!—точно закричали въ немъ тысячи оглушающихъ голосовъ.—Жить во что бы то ни стало, какъ можно больше, какъ можно шире!“

.....„И онъ, быстро схвативъ фуражку, безъ пальто и шапки, выбѣжалъ на улицу.....“

Такимъ образомъ, какой ужасной ни казалась Борису смерть когда онъ видѣлъ ее на трупахъ анатомическаго театра и какую беземыслицей ни представилась ему послѣ

того собственная жизнь и жизнь подобныхъ ему тысячъ здоровыхъ людей; однако смерть въ формѣ самоубійства казалась для него еще ужаснѣе, еще противоестественнѣе.

Какъ противоестественный актъ, самоубійство объясняется, мы сказали, потерю инстинкта или вкуса—къ жизни. Дѣйствительно, достаточно бываетъ вернуться этому вкусу къ жизни, у человѣка отпадетъ охота убивать себя.

Лучшимъ примѣромъ можетъ служить „Случай изъ жизни Макара“, рассказъ М. Горькаго, напечатанный XXXIX Сборникѣ „Знанія“.

„Макаръ рѣшилъ застрѣлиться“.

Здоровый парень, самоучка, онъ представлялъ собою тишь мечтателя, идеалиста— изъ народа. Увлечшись черезчуръ чтеніемъ, онъ постепенно отодвигался отъ живой дѣйствительности. Увлечение сопровождается обычно агитаторствомъ. То же было и у Макара. Сначала его понимали, сочувствовали ему, но потомъ перестали. Пошелъ онъ къ интеллигентамъ, тѣ отнеслись къ нему свысока. Онъ почувствовалъ себя одинокимъ; прежнія высокія мысли теперь казались ему тяжелыми. Не везло ему кстати и въ любви. Двѣ хорошенькія барышни, жившія вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ магазинѣ, только подсмѣивались надъ нимъ. Когда онъ признался приказчицѣ Настѣ о своемъ намѣреніи убить себя, она ему отвѣтила:

— „Вы лучше почистите мнѣ высокіе ботишки: завтра Стрѣльскій играеть Гамлета, я иду смотрѣть,—почистите?“

— „Честное слово, я сегодня застрѣлюсь... Такъ что чистить башмаки ваши передъ самой смертью—неловко какъ-то, не подходитъ...“

— „Фу, какой вы скучный!“ быть Настинѣ отвѣтъ.

Макаръ купилъ себѣ револьверъ и ночью отправился за городъ. Дорогой онъ встрѣтился съ ночнымъ сторожемъ татаринкомъ, не знавшимъ, куда дѣвать иззябшаго котенка (дѣло было въ Декабрѣ) Макаръ посоветовалъ ему положить его за пазуху и отправился далѣе. Придя на назначенное мѣсто, Макаръ вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ. Получилась осѣчка. Выстрѣлилъ въ другой разъ и упалъ, но рана была не смертельна. Его поднялъ татаринъ и съ

полицейскимъ отвезъ въ больницу. Здѣсь все его раздражало и вновь тянуло къ смерти: позволявшіе себѣ балагурить надъ нимъ доктора, усталыя сидѣлки, хмурые товарищи по палатѣ и особенно четверо больныхъ—циниковъ. Послѣдніе издѣвались надъ нимъ, травили его, какъ собаку, приговаривая.

— „Взы—и, взы...“ и т. д.

Но здѣсь же началось и воскресеніе, пробужденіе инстинкта жизни, возстановленіе вкуса къ ней. И это совершалось такъ же постепенно, какъ прежде—угасаніе этого инстинкта, утрата этого вкуса. Сначала въ больницу пришла Настя, та самая, насмѣшница, которая просила Макара почистить ботинки, когда онъ серьезно сообщилъ ей о своемъ намѣреніи умереть. Теперь она пришла навѣстить его, выразить сочувствіе, и уже одинъ видъ ея, звукъ ея голоса наполнили удушливую атмосферу палаты здоровой, животельной свѣжестью. Затѣмъ пришелъ татаринъ, отогрѣвшій котенка и вмѣстѣ съ полицейскимъ подавшій первую помощь раненому. Онъ рассказывалъ, сидя на койкѣ, какъ они его тогда „возили изъ конца въ конецъ города, и котенокъ тоже ѣздилъ, сидя за пазухой тулуна“. Макарь развеселился, слушая неправильную рѣчь татарина, смѣялся и распрашивалъ. Наконецъ, больного посѣтили его товарищи. Ихъ знакомая вѣшность, смѣшныя манеры, неуклюжія, но искреннія рѣчи, наконецъ, ихъ дешевые, но сердечной лаской обвѣянные, гостицы—окончательно вернули Макара къ жизни.

...„За окнами густо падалъ снѣгъ, хороня прошлое“.

Такъ какъ инстинктъ жизни имѣетъ въ человѣкѣ не только физическій характеръ, какъ у животнаго, но осложняется и духовными цѣнностями: религіей, моралью, наукой, искусствомъ, творчествомъ и т. д., каждая изъ которыхъ доставляетъ ему особую специфическую сладость.—то для поддержанія въ человѣкѣ большаго равновѣсія и постоянства во вкусѣ жизни, ему необходимо ощущеніе ея во всей полнотѣ, а не съ одной лишь физической стороны, потому что ограниченіе себя однѣми животными потребностями скоро притуляетъ вкусъ къ жизни, ведетъ къ пресыщенію, развиваетъ *taedium vitae*, подобно тому, какъ употребленіе однихъ.

и тѣхъ же кушаній вызываетъ потерю аппетита и тошноту, или злоупотребленіе сластями—пизжогу. „Вся наша жизнь земная—по Дон-Жуану Байрона—изъ междометій разныхъ состоитъ: въ ней „ха, ха, ха!“ „иль охъ“!—печаль иль радость—по „тѣфу“ вѣрнѣй рисуется эту гадость“. Масса самоубійствъ прежнихъ и современныхъ донжуановъ объясняется именно этою плотскою односторонностью, животностью жизни.

Поэтому, родители, если они не хотятъ, чтобъ ихъ дѣти пресытившіеся жизнью, лишили себя ея когда-нибудь, вмѣстѣ съ общою сладостью существованія, родительскою ласкою и любовью должны дать дѣтямъ почувствовать радость вѣры, молитвы и др. идеальныхъ настроеній, доступныхъ дѣтскому возрасту. Педагоги, чтобы не вызвать въ своихъ воспитанникахъ преждевременнаго *taedium vitae* и совсѣмъ обезопасить ихъ съ этой стороны въ будущемъ, обязаны привить имъ интересъ къ образованію, искусству, а главнымъ образомъ воспитать потребность труда, нравственной чистоты и религіозности.

Словомъ, мы должны жить и пускать въ оборотъ все данныя намъ отъ Бога таланты; мыслить и развиваться во всевозможныхъ положительныхъ направленіяхъ; чувствовать прекрасное и желать добраго, стремиться къ идеалу и воплощать его въ своей дѣйствительности; смотрѣть на себя не какъ на выючныхъ животныхъ, а какъ на богообразныя творческія личности, чтобы, находя себя постоянно въ полнотѣ жизненныхъ интересовъ и противопоставляя всемъ внѣшнимъ случайностямъ внутреннюю цѣнность бытія, сладость личнаго жизне-творчества, намъ не пришлось въ будущемъ вкушать послѣ сладкаго горькое, послѣ нектара наслажденій пить желчь разочарованій, какимъ оказывается на своемъ днѣ почти всегда фіалъ эппикурейца.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Туберовскій.
